

Идеальное фэнтези
Романы
Карины Деминой

КАРИНА ДЕМИНА

УЖ ЗАМУЖ
НЕВТЕРПЕЖ

Издательство АСТ
Москва

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44
ДЗО

Оформление — *Марина Самойлова*
Иллюстрация на обложке — *Anne Svart*

Любое использование материала данной книги, полностью или частично, без разрешения правообладателя запрещается.

Демина, Карина.

ДЗО Уж замуж невтерпеж: [роман] / Карина Демина. — Москва : Издательство АСТ, 2024. — 384 с. — (Идеальное фэнтези. Романы Карины Деминой).

ISBN 978-5-17-155651-8

Невесты съехались ко двору. Выбирай любую — одна другой краше. И каждая готова хоть завтра под венец. Вот только мысли Ричарда то и дело сворачивают куда-то не туда. То на тайны древние, то на демоницу, что изо всех сил пытается задание выполнить, то и вовсе в голове дурное появляется. А еще и тьма предвечная очнулась, поползла по Замку, людей будоража.

УДК 821.161.1-312.9
ББК 84(2Рос=Рус)6-44

Глава 1,

где начинается знакомство девиц с миром проклятым

И женщине надлежно смирение проявить и разумение, ибо в том суть женская и сила, данная свыше. Тогда как мужская суть зело придурью всякою испорчена, оттого и беспокойна, в движении пребывает, в поиске себя и великих свершений.

Размышления о сути женской и мужской, а тако же о тяжком бремени супружества и прочих важных сутах

Спящим государь всея Вироссы и земель прилегающих выглядел до того мирным, что желание пнуть братца куда-то взяло и исчезло. Во сне он шевелил губами и пускал пузырьки, губы его то и дело растягивались в улыбке, а светлые реснички дрожали.

Мудрослава вздохнула.

И наклонилась, дернула за косу.

— Ай! — возмутился братец, косу к себе отбирая. — Со всем оторвешь, а ее, между прочим, знаешь до чего просто крепить?

— Не знаю. — Мудрослава прижала палец к губам и огляделась.

Пусто. Тихо.

Солнце только-только светом плеснуло. Небо серое. И на этой серости темными тенями проступают окрестные скалы.

Девки спят. И служанки.

И боярыни, которых для порядку отправили, правда, выбравши из тех, что родом поплоче, а то и вовсе сироты. Сироты небось капризничать не будут.

— Рань несусветная. — Ярка поскреб ребро.

Ночная рубаха сбилась, перекрутилась, и теперь из горла выглядывало чересчур уж мускулистое для девицы плечо, рыжим пушком покрытое.

— Рань. Самое время оглядеться. Или тебе не интересно? — Мудрослава прищурилась.

Чтоб ее неугомонному братцу и не интересно было? Вона, вскочил, рубаху обтянул, правда резковато, отчего ткань затрещала, а плечо выглянуло совсем уж неприлично.

— Переодевайся.

Сама Мудрослава отвернулась. Больше для порядку, чем из стеснения. А ведь вырос братец, пусть и не так высок, как отец, и крепости ему не хватает. Тощий весь, что кошак по весне. И взгляд такой же задумчиво-блудливый.

Женить его надобно. И поскорее.

Наследников опять же. Глядишь, появятся наследники, то и заговорщики попритихнут с планами своими. Вот только на ком...

Мудрослава подавила тяжкий вздох.

И вправду, что ли, смотрины устроить? Потом, по возвращении? Но Яр этакою мыслью точно не проникнется. Да и на кого там смотреть? Девочек худородных не допустят, а кого из знатных — тех он уж не по разу и не по два видывал. Все хороши, белы и румяны, да только за каждой родичи гурьбою стоят.

Отцы да матери. Дядя с тетками. Племянники, племянницы и все-то, кому надобно будет помочь, услышать, подсобить... этак и державы на подсобления не хватит.

— Эх, хорошо-то как! — Яр потянулся, и рубаха, слабо треснув, поползла по шву.

То ли дело иноземная какая царевна. Она, конечно, тоже при родне, но та будет далеконоько, за морем, за горами, а стало быть, коли и полезет вдруг в дела чужие, то не с тою прытью. Вот только...

Вспомнились ладхемские принцессы, на коих Мудрослава, по правде говоря, весьма себе рассчитывала. Вспомнились, и от воспоминаний этих зубы свело.

Не девки, а не пойми что.

Кружева, шелка и перья. Лица размалеваны. Волосья башнею уложены, а из нее перья торчат, будто не особа благородного происхождения — хотя тут-то тоже имелись вопросы, — а девка худородная, в птичник кур блюсти поставленная.

И главное, что на саму Мудрославу обе поглядывали этак преснисходительно.

Островитянка была хороша. Особенно статью. Плянешь на такую — сразу ясно, что деток родит здоровых, крепких. Да и бояре с такою связываться поостереглись бы, особенно если б пришла она с дружиною, как водилось в старые времена. Да только глянется ли она братцу?

Тут аккурат имелись некоторые сомнения.

— Скоро ты? — Мудрослава обернулась и вздохнула.

С рубахой и сарафаном Яр как-то да сладил, а вот с косою запутался. Усевшись на полу, скрестивши ноги — вид сделался самый что ни на есть непотребный, — братец неловкими пальцами пытался косу заплести.

— Вот горе-то. — Мудрослава дала по пальцам гребнем. — Сядь ровно. И скажи.

— Чего?

— Как оно тебе тут?

Коса — откуда только взял такую драную, словно из хвоста конского сделанную, — плелась легко.

— Не знаю. Места много, только пусто как-то... а тебе как? Глянулся?

— Кто?

Сердце защемило. Всю дорогу на Мудрославу если и глядел, то не жених нынешний, которого, по правде, и женихом-то назвать неможно было, но Старомысл.

И вроде бы ничего-то непристойного. Просто... случайные встречи. Осторожные взгляды, в которых обещание виделось. А от этого, увиденного, сердце сбило. То вскачь несло, то замирало трепетно. И хотелось порой закричать. Велеть остановиться, повернуть обратно.

Но Мудрослава справлялась с собой. И со снами, которые случались после этих взглядов. Стыдные. Непотребные. Заставляющие просыпаться в испарине, стораю от непонятной страсти.

Вот диво, а ныне-то спалось спокойно.

— Да не знаю пока. Какой-то он... Не знаю.

— Не такой? — Яр дернулся и поморщился.

— Смирно сиди.

— Сижу.

— Не такой... Или это оттого, что ворожба на мне? — Мудрослава затянула шелковую ленту, а после завязала бант попышнее.

Достала из шкатулки бусы, повесила на шею братцу. А к тем еще одни и еще.

— Не многовато? — Он поднял бусы пальчиком.

— В самый раз. Видел, сколько на ладхемках? Как они тебе?

— Женить решила?

— Надо, Яр. Сам ведь понимаешь.

— Понимаю, — вздохнул братец, поднимаясь.

А за окном показалось солнце, пока лишь краешком золотым. И золота этого хватило, чтобы выплеснулось оно окрест, окрасивши горные вершины. И те заискрились, за-сверкали. От этакой красоты душа заныла, и слезы сами на глаза навернулись.

— Знаешь, умыть бы их... а то ж так размалеваны, что лица не видать.

— А островитянка?

— Не, — Яр замотал головой, — этакая и пришибет нароком, если чего вдруг. Да и наши не поймут. Чтoб жена крепче мужа была.

И вправду не поймут.

Хотя брехать поостерегутся. Мужа-то она, может, и не совсем пришибет, а кого постороннего так и до смерти.

— Степнячка хороша. — Он прищурился.

— Не вздумай даже, — Мудрослава уцепилась за округлое ухо и крутанула легонечко, — а то ведь и вправду женю!

Яр скривился.

Неслух... всегда-то таким был. Может, оттого, что наследник? Вот и баловали что мамка с няньками, что после. А он хороший, братец. Незлой.

Шебутной только. Но это от молодости.

— Идем.

Мудрослава поняла, что времени почти не осталось. Еще немного, и замок стряхнет оковы сна, и тогда-то станет в нем людно. А ей хотелось посмотреть на это место в тишине.

И она на цыпочках вышла из комнаты.

Спят. Сопят. Боярыня Савровская, честная вдова, старшею над Мудрославиным двором поставленная, во сне похрапывает тоненько да жалобно. Прочие девки тихи. Не ворочаются даже.

Ступали на цыпочках. И что-то было такое в этом побеге донельзя детское, напомнившее о прежних, почти забытых временах, когда не чувствовала Мудрослава тяжести венца царского. И долга.

И прочего всего.

Яр ненадолго задержался над боярынею, склонился, будто поцеловать желая.

— Что ты...

— Тсс. — Он прижал палец к губам и подмигнул, уголек из рукава доставая.

— Яр, не сейчас!

— А когда? Или думаешь, я забыл, как она меня веником гоняла?

Вот ведь...

Дверь отворилась беззвучно. И Мудрослава едва не закричала от страха, но вовремя совладала. Мертвяки. В доспехе. Вчера они тоже были, но там, во дворе замка, и еще стражею в воротах. А ныне вот подле ее покоев.

Охраняют? Или стерегут? Или и то и другое разом?

— Ух ты! — Яр вот в восторг пришел и застыл перед мертвяком.

Доспех хорош. Черный угольный.

Этакий внушает... правда, не страх. Первый испуг прошел, и Мудрослава поняла, что на самом-то деле ничего-то жуткого нет. На рыцаря похож, из тех, про которых в книжке писано.

Бронный. Оружный.

Стоит и не шевелится.

— А он вообще... как? — Яр оглядел рыцаря слева.

И справа. Поплевал на палец и потер броню. Нахмурился так, с интересом, и осторожненько ткнул в броню пальцем. Мертвец не пошевелился. Яр обошел его кругом и ткнул с другой стороны. Потом подпрыгнул и помахал ладонью перед шлемом.

— Он вообще живой?

— Вообще нет, — сказали Мудрославе.

И теперь уж она подпрыгнула. И Яр подпрыгнул. А вот мертвец остался неподвижен.

— Доброго утра, — сказал Повелитель тьмы.

Тоже не спалось?

Или он вовсе спит днем, а ночью вершит темные дела?
И как узнать-то? А главное, что сказать?

— Я привыкла вставать рано, — почти не соврала Мудрослава.

— Ага. — Яр с трудом подавил зевок, отчего лицо его слегка перекосило, будто он рожу строил.

Впрочем, Повелитель тьмы предпочел сие не заметить.
Или вид сделал.

— А вы? — Мудрослава решила быть вежливой.

И раз уж осмотреть замок втихую не выйдет, то можно хотя бы с женихом этим побеседовать. Наедине.

А то вчера он, конечно, речи всякие говорил, которые по протоколу положено, но по речам ведь не поймешь, что за человек пред тобою.

— Не спалось.

Не сказать чтобы высок, чуть выше самой Мудрославы. Но крепкий. Не красавец, но и глядеть можно без страха. И... и что еще надобно?

Спокоен. Улыбается вот.

И живой, главное. Хотя как раз тут еще проверить бы, а то, может, только с виду.

— В таком случае буду рад, если вы разделите со мною завтрак. — Повелитель тьмы поклонился.

— Конечно. — Мудрослава ответила улыбкой на улыбку, и почему-то зубы заныли.

Нет, ничего-то отталкивающего не было в человеке, что стоял рядом. И... и, наверное, любая другая нашла бы его красивым. Или хотя бы стоящим внимания. А сердце заколо. И захотелось вдруг вернуться.

Но Яр, словно почуяв неладное, подхватил ее под руку.

— А он, стало быть, совсем-совсем мертвый?

— К счастью, совсем.

— Почему «к счастью»?

— Потому как если человек не совсем мертвый, то возникают всякие... сложности. Непредвиденного характера. — Повелитель тьмы слегка замялся и порозовел, будто девица. — Живое перерождается и превращается в то, что именуют нежитью. Хотя на самом деле оно остается именно живым. Однако суть самой жизни столь извращается, что обычному человеку проще назвать то, что выходит, нежитью.

— Ага... — Яр сунул палец в ухо, отчего вид у него сделался совсем уж придурковатый, и Мудрослава подумала: ежели кто вдруг узнает его, если случится разоблачение, то ни она, ни Виросса этакого позора не переживут.

— Нежить? — Слово отозвалось эхом, и в коридоре появился еще один человек. — Здесь есть нежить?

Повелитель Тьмы вздохнул и как-то совсем уж тоскливо произнес:

— Чего только здесь нету...

Ричарду и вправду спалось плохо.

Сны были... суетливыми. Он то ли бежал, то ли пытался вырваться откуда-то, но не мог. И с каждым движением все больше увязал то ли в жиже, то ли вовсе в камне. Перехватывало дыхание. Мелькали смутные образы.

И потом, пробудившись в постели, он еще долго отходил от непонятного этого сна, от ощущения, что он почти услышал. Почти понял.

Что? Неясно.

И потому-то, проснувшись, он умылся ледяною водой, тщетно пытаясь избавиться от едкого страха, от предчувствия беды. Оделся. Вышел.

Остановился в пустом коридоре, вслушиваясь в такую привычную тишину. Думал было постучать к демонице, но не стал. Она выглядела утомленной и какой-то растерянной, будто обилие людей, вдруг появившихся в замке, смутило и ее.

И Ричард отступил.

Он прошелся по коридорам. Проверил посты, пусть и не было в том нужды. На несколько мгновений задержался на галерее, глядя, как медленно разгорается рассвет.

А потом встретил Мудрославу Виросскую и смутился.

Она была... пожалуй, хороша. И красива. Все-то по-своему оказались красивыми, и, пожалуй, реши он выбирать из портретов, любой выбор был бы удачен. Но вот...

Невысокая. Ладная. Именно такая, какой надлежит быть принцессе, хотя Ричарду не сказать чтобы часто случалось с принцессами дело иметь. Мудрослава Виросская держалась величаво. Каждое ее движение было исполнено того сдержанного достоинства, которого так не хватало самому Ричарду. Рядом с нею он остро чувствовал собственную не-

ловкость и пытался прижимать локти к бокам, и шею тянул, плечи расправлял так, что спина начинала потрескивать. Или казалось?

Главное, пришло понимание, что долго он так не выдержит. И потому-то появлению человека, которого здесь вовсе не должно было быть, Ричард обрадовался.

Светозарный паладин и глава ордена, несмотря на ранний час, выглядел так, как никогда не получится у Ричарда.

И величаво. И сурово. Так, как должен выглядеть глава великого ордена, пусть даже Ксандр утверждал, будто величие давно осталось в прошлом.

Мудрослава Виросская тоже оценила.

Слегка зарделись щеки. Задрожали ресницы.

И... обидно? Только вместо обиды Ричард ощутил величайшее облегчение. А что? Почему бы и нет? Вместе они смотрятся весьма неплохо. И если вдруг выйдет... Нет, что-то не то в голову лезет. С недосыпу, не иначе, потому как ему бы о собственном долге думать, а не о том, как чужое личное счастье устроить.

— Доброго утра. — Паладин изобразил поклон, на который Мудрослава Виросская ответила поклоном же, и оба были изящны.

— Доброго, доброго, — отозвалась рябая девица, ныне облачившаяся в ярко-красный сарафан, расшитый ярко-синими цветами. — Так чего там с нежитью-то? Плодится?

— Бывает.

— Ага... У нас-то только мошкара плодится иным часом, — девица дернула тощую косу и уставилась на бант из атласных лент, — так от один боярин давеча решил указом свыше запретить мошкаре плодиться и люд честной грызть.

— А это возможно? — осторожно заметил Артан, слегка отодвигаясь от рябой девки, а та, наоборот, придвинулась поближе и доверительно произнесла:

— Дык боярин же ж. Чего ж невозможного? Указы мошкаре читали.

— И... помогло?

— Кому как. — Девица перебросила косу с бантом за спину и вытерла ладони о сарафан. — Мошкаре точно не помешало. Боярин еще тот за послушание наказать велел. Отыскать смутьянов и высечь. Да... необъятна дурь человеческая.

И все задумались. Артан Светозарный даже вздохнул, верно, собственный опыт имелся.

Ричард же ощутил острый укол зависти. Иррациональной, даже глупой, но все равно яркой донельзя.

— И вправду. — Он вымученно улыбнулся. — Если уж все встали, то стоит озаботиться завтраком. Заодно и про нежить поговорим, если, конечно, прекрасные дамы не будут против.

— Не будут, — ответила за обоих девица и зарумянилась.

Еще потупилась и этак завлекательно ресницами хлопнула, отчего у Артана глаз дернулся. Слегка.

А Мудрослава Виросская подавила вздох. И мелькнуло в ее глазах что-то такое... наверное, горячая родственная любовь.

Глава 2,

в которой приоткрываются тайны прошлого

Из всех средств самое верное — на молодую луну поймать жабу и посадить ее в кувшин, налить молока и сказать тайные слова. Мол, пою тебя досыта, а будь милостива, приведи к порогу моему жениха. Чем жаба толще будет, а молоко свежее, тем богаче сыщется жених.

Из рассказов старухи Анфиры, кою сельчане почитали за ведьму, а потому советовались с нею по всяким великим и малым делам

Я открыла глаза.

Твою ж... приснится же такое. А главное, не понять, какое именно. Тягостное. Кисельное. Мутное. Сердце колотится. Руки дрожат. Хвост трясется.

Лежу. Пялюсь в потолок, беленький такой.

— И что это было? — интересуюсь осторожно так, а Замок молчит.

Не знает? Или сказать стесняется?

Дрожащею рукой пот со лба смахнула, вздохнула и села. Голова слегка кружилась.

Нахлынуло вдруг непонятное раздражение, злость даже, а с ними желание кого-нибудь убить. Причем такое четкое, осознанное почти.

— Так, Жора, спокойно. Дышим глубоко, представляем себе что-нибудь хорошее, — я и вслух-то заговорила, поскольку несвойственное мне желание, которое и не думало исчезать, пугало до судорог, — котиков там, солнышко. Полянку...

Перед глазами же вставала та мрачная картина с демоном, пожирающим город.

Не то. Не так.

Я потрясла головой и рог поскребла. Надо выбросить это из головы. Подумаешь, приснилось дурное. И настроения нет? Тоже бывает. И со снами, и с настроением. Тем более причина имеется, даже целых пять, одна другой краше.

Угораздило же ж.

— Угораздило, — призналась я себе со вздохом и выползла-таки из кровати.

За окном загорался рассвет.

Красиво, однако. Горы. Солнце. Там, дома, я только мечтала в горы поехать. Или к морю. Да хоть куда-нибудь, за пределы обычного и привычного родного городка. Но денег хватало лишь на съем да самое необходимое. Даже премии, которые моя незабвенная начальница выписывала щедро, куда-то да уходили, на нужды неотложные.

А тут вот... Стою, любуюсь. Солнце поднимается из пропасти, огромный шар чистого золота, воплощение перевозданной красоты и мощи. Смотрю, пусть даже от света глаза слезятся. Но я упрямо стою, вбираю каждую каплю этого вот...

— ...Красиво как... — Голос раздался будто издалека, такой нежный, едва различимый.

И я замерла. Снова?

— Красиво, — согласился мужчина, склоняясь над ладонями девушки.

И я выдохнула.

Все-таки как-то неудобно подсматривать. Будто узнаю что-то, чего знать не должна бы, слишком личное, слишком близкое.

А эти двое...

Ее я узнала. Тот, давно умерший Повелитель и вправду был неплохим художником. Во всяком случае, свою супругу он изобразил весьма точно.

А она красивая. Красивей, чем на том рисунке: бледное личико, глаза огромные, яркие, что те озера, как бы ни пошло звучало. И устремлены на мужчину. Только в них видится не любовь, а... ожидание?

И снова это ощущение потусторонней жути холодом по хребту.

— Никак не привыкну к этому. — Ее губы почти не шевелились, а в полупрозрачной оболочке тела клубилась тьма. И странно было, почему этот опытный мужчина, который лучше меня все знает, не видит тьмы? — Все кажется... кажется, это не по-настоящему, что я снова умираю... и...

И она умерла.

Не тело, душа. Давно уже. А тело осталось. И я это тоже вижу, а он почему-то нет. Хочется крикнуть, предупредить, но в его глазах столько любви, что губы мои склеивает немота.

К тому же это уже случилось.

Давно. Очень давно.

И я лишь смотрю. На полупрозрачные пальцы, которые касаются щеки мужчины, оставляя на ней едва заметный след тьмы. На него, опьяненного, очарованного. На нее, понимающую, что будет дальше. И... и ей все равно больно.

Но почему? Если она — тьма, то откуда эта боль?

— Все уже, — он обнимает ее столь бережно и осторожно, будто и сам боится, что она вот-вот истает, — все уже закончилось...

— Твои братья... они порой так на меня смотрят. И Командор. Лассар хочет меня убить.

— Ты ошибаешься.

— Нет, — она покачала головой, — я это чувствую. Просто, когда ты рядом, он держится. А когда тебя нет... Он подходит. Близко так. И смотрит. Только смотрит, но я с ума схожу от его взгляда! Не уезжай! — Она хватается за его руки, будто ищет спасения. И столько отчаяния в хрупкой фигуре, что даже мне становится жаль ее. — Я умру, если ты уедешь! Они все... они думают, что я должна была остаться там, в горах... они...

— Тихе.

— И Командор, особенно он. Я знаю, что он тебе говорит! Что я одержима.

Мудрый Лассар.